

## СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ СПОРТИВНОГО ЗРЕЛИЩА

**Визитей Николай<sup>1</sup>****Манолаки Вячеслав<sup>2</sup>**<sup>1,2</sup>Государственный университет физического воспитания и спорта,  
Кишинэу, Республика Молдова

**Abstract.** *The article analyzes the problem of the essence of a sports show. Its role in determining the content of modern culture in general is shown. A comparative examination of a sports show in ancient Greece and in our time is carried out. A sports show as such is interpreted as a socio-cultural phenomenon that can act as an effective means of developing an individual's worldview competence.*

**Keywords:** *spectacular culture, sporting show.*

Положение, в котором находится человек в современной культуре, очень специфично. Открывающаяся ему картина мира существенно размыта. *Внешнее* не представлено ему в виде реальности, которая настолько же, как, например, в античности у грека, системно, вещественно собрана вокруг определенного центра - Космос, Единое, *внутреннее* же не дано, как, скажем, в христианском средневековье, - энергетически сфокусировано, как Божественное. Мир *фрагментарен*, и человеку трудно связать *в одно целое* те мироощущения, которые даны ему в качестве опыта включенности в разные фрагменты действительности. Соответственно здесь ослаблена и противопоставленность внешнего и внутреннего, в связи с чем онтологическая и нравственно-психологическая энергетика бытия в целом понижена. *Не от чувства бытия живет современный человек.* Его актуальное пребывание в мире выступает как последовательность событий, которые в значительной степени разобщены между собой системно, и его существование в целом определяется преимущественно процессами, которые имеют место в отдельных горизонтах происходящего, что делает его пребывание в мире по своему характеру *поверхностным*. Это и есть «кризис самоидентификации» - одна из базовых проблем в сегодняшней – постмодернистской - культуре. (П.Тиллих: «Нам угрожает не только утрата наших индивидуальных Я, но и утрата соучастия в нашем мире») [22, 65-66].

В рассматриваемых обстоятельствах существенно меняется смысловое содержание «игрового» и «серьезного» моментов присутствия человека в культуре. В традиционном варианте сферой *серьезного* была в

первую очередь *профессиональная* деятельность, а сферой *игровой* – деятельность *досуговая*. В наши дни, в условиях крайнего разнообразия и слабой связанности жизненных сфер, в которых человек реально представлен, его жизнь получает в тенденции, как мы уже отметили, поверхностный характер, становится в процессуальном плане простым *отыгрыванием* предлагаемых ему отдельных *социальных ролей*. Присутствие человека в тех обстоятельствах жизни, в которых он ранее проявлял себя серьезно, приобретает *условно-игровой* характер. Существование человека в тенденции становится непрекращающимся лицедейством, что естественным образом рождает у него с какого-то момента ощущение «дефицита серьезности».

Каким образом можно покрыть такого рода дефицит? В силу общих особенностей той ситуации, в которой находится человек сегодня, обращенность к активным видам деятельности не представляется в целом приемлемым для человека выходом из создавшегося затруднительного положения. Ценность внешней активности, как возможного средства истинной самореализации, в значительной мере подорвана. Выход видится в обращении к тем видам деятельности, которые традиционно относились ранее к *досуговым*. Это, в частности, *зрелищные* формы культуры. Очевидно, однако, что для того, чтобы в рассматриваемой ситуации выполнить роль *компенсаторных*, они должны быть особым образом модифицированы. В каком, однако, направлении? Прежде всего, очевидно, что *условно-игровой* момент тех событий, которые демонстрируются зрителю, должен быть *приглушен*. Фактически это означает, что демонстрируемые ситуации должны *для самих участников* быть в значительной мере *серьезными*, являться не лишь имитацией жизни, а быть *самой жизнью*, в частности, быть не изображением соревнования и борьбы, а действительными (осуществляемыми «всерьёз») борьбой и соревнованием. Восприятие и сопереживания такого рода «представления» делает зрителя, как очевидно, существенно более вовлеченным в то, что ему демонстрируется, меняет роль, в которой он выступает как участник происходящего, по отношению к роли в более традиционном, в частности, в театрально-художественном зрелище.

Таким образом, в анализируемых обстоятельствах оказывается остро востребованной некоторая *промежуточная*, гибридная зрелищная форма,

которая, с одной стороны, являет собой случай *серьезной деятельности*, а с другой – все же *стандартизирована* и *упорядочена* в необходимом плане несколько больше, чем обычное жизненное событие и в этом смысле имеет элемент *условности*. Данное упорядочивание должно заключаться, как очевидно, прежде всего, в том, чтобы (1) была в явном виде, с максимальной определенностью определена (задана) *конечная цель*, к которой стремятся участники, (2) были четко оговорены *общая стратегия и правила их действий*, (3) чтобы и то, и другое, *было известно* человеку, который сам в этих действиях непосредственно не участвует, а выступает по отношению к ним лишь в качестве «наблюдателя». На соответствующую роль, безусловно, подходят специально организованные *состязательные деятельности*, в рамках которых участникам представляется возможность бороться за достижение *реального успеха*, следуя при этом четко обозначенным правилам. В сопереживании перипетий данного рода состязаний в значительной мере оказывается *ослабленной* отстраненность зрителя от участников. Степень его *безрефлексивной* захваченности происходящим здесь *потенциально* существенно более значительная, чем в случае более традиционного, в частности художественного, зрелища. Небывало широкое разрастание и громадная популярность в последние десятилетия различного рода реальных (неигровых) состязаний, в частности, *конкурсных программ*, демонстрируемых телевидением, показывает, что широко востребованным в наши дни является именно такое представление - представление, где социально-ролевое различие между активным участником и зрителем *существенно ослаблено*. Таким образом, тенденция к *потере* реальной жизнедеятельностью человека своей глубинной (экзистенциальной) *серьезности* корреспондирует здесь с тенденцией специфического *нагнетания серьезности* в рамках тех видов действий, которые ранее человеку обычно предлагались в качестве исключительно игровых («несерьезных»). (Й. Хейзинга справедливо отмечает, что смешение «игрового» и «серьезного» есть характерная особенность современной культуры) [7, 235]. Предел, к которому обоюдно устремлены указанные ситуации (изначально выступающие, как очевидно, в качестве существенно противопоставленных друг другу), – это ситуация, где *человек становится реальным (серьезным) участником событий*, в

значительной мере ослабленных в статусе жизненно-реальных, ставших условно-реальными. Серьезная деятельность тяготеет и фактически трансформируется в род деятельности близкой к игровой, а игровая - в род деятельности серьезной, «псевдосерьезной» (Й. Хейзинга). Именно в мире такого рода событий и пребывает современный человек. Именно в нём он пытается решать проблемы обретения смысла, осуществления самореализации. Что труднее всего дается человеку в данных обстоятельствах? – Не впасть в тотальный инфантилизм, сохранить необходимый минимум реализма и адекватности.

Заметим, что указанная тенденция имеет для культуры в целом чрезвычайно далеко идущие последствия. С ней связан, в частности, тот феномен, который в настоящее время определяют как *симуляцию* – ту особого характера трансформацию социального бытия, которая находит свое выражение, в частности, в радикальном изменении роли знака в культуре. Знак перестает быть просто репрезентацией некоей конкретной внешней реальности, как это имело место в прошлые культурные эпохи. Знак сам становится выражением и средоточием специфического существования, а именно того, в котором границы между «реальным» и «воображаемым» оказываются размытыми, также как они являются размытыми для человека, который включен, погружен (в качестве «зрителя» или в качестве «реального участника») в стихию представленного (предоставляемого) ему зрелища. Знак закрепляет *ослабленность артикуляции соединенного*, тогда как раньше он выступал, прежде всего, как выражение *сопряженности разделившегося* - того, что в *полной мере* артикулированно. Зрелище как средство получения гармонии между внешним и внутренним в сегодняшних условиях, когда человек не может полноценно действовать ни внешним, ни внутренним образом, становится популярным особенно. Зрелищное переживание становится специфическим вариантом *целостного* восприятия человеком мира, целостного в нем пребывания. Здесь восприятие внешнего сразу же становится восприятием внутреннего – и наоборот. В конечном же счете, однако, зрелищная серьезность выступает в данном случае лишь как *суррогат* серьезности жизненной.

Какие смысловые наполнения может получить в указанной ситуации спортивное зрелище? Что позволяет ему стать феноменом, которое

занимает ведущее место в сфере зрелищной культуры, в целом большей? Как традиционные формы спортивного зрелища трансформируются в связи с наличием на социально-психологическом уровне той потребности в специфическом дистанцировании (в убежании) от действительности, которую мы рассматриваем? – Нам следует проанализировать теперь именно эти вопросы. Специфика спорта как феномена культуры состоит в том, что он передает идею человеческого самоутверждения, акцентируя его базовые моменты [1, 154]. Он ставит перед человеком в качестве *первостепенной задачи победить соперника*, то есть актуализирует в максимально возможной степени стремление человека к *индивидуализации*. Одновременно, однако, он задает человеку, стремящемуся выделиться, *жесткие рамки* поведения, решительно *уравнивает* его со всеми участниками соревнования. Спорт требует от человека неуклонного следования *принципу честного соперничества*. Более того, здесь предусмотрено присутствие специально подготовленных лиц (судей), которые определяют, насколько происходящее соответствует официально принятым нормам, и все это происходит на глазах у многочисленных зрителей, *публично*. Предельная по однозначности и строгости *регламентация*, с одной стороны, и предельное же, доводимое до экзальтации (в тенденции – до отрицания любого регламента), *стремление победить*, – с другой. Перед нами, как очевидно, крайне напряженная нравственно-психологическая ситуация. *Спорт – это не просто честное атлетическое соревнование, это также (и даже, прежде всего) атлетическое(то есть требующее максимального напряжения физических и душевных сил)соревнование в честности*. Здесь трудно победить, но также и нелегко быть достойным звания победителя. Именно отсюда проистекает то известное обстоятельство, что уже само по себе участие спортсмена в соревновании обладает большой моральной значимостью, что выступает, в свою очередь, важным фактором высокого социального престижа спортивного состязания. Оно приобщает человека к сообществу (к братству) тех, для кого принцип честного соперничества - высшая ценность. (Это в определенном смысле *принцип рыцарской чести* - элемент *средневековой ментальности*, привнесённый, как известно, Кубертенем в идею современного олимпизма).

Спортсмен укрепляет социально-культурное пространство, которое построено по принципу честного соперничества, и именно в качестве человека, эффективно утверждающего этот принцип, он получает возможность *индивидуализироваться*. Олимпизм здесь – это философия жизни, реализующая идею человеческого самоутверждения как *нравственно-созидательного* акта, предполагающего сбалансированное единство стремлений человека *к индивидуализации и к соучастию* и на этой основе – достижение *гармонического* состояния. Существенно, что это пространство *более объемно*, чем сама по себе сфера спорта, поскольку принцип честного соперничества является одним из базовых в человеческом общежитии как таковом. Во всем этом есть, как легко заметить, сходство современной и античной (древнегреческой) ситуаций. Однако здесь есть и различия, на которые следует обратить внимание. Прежде всего следует отметить, что ситуация размытости, нечёткости самоидентификации, характерная для настоящего времени, тяготит человека. Он стремится к более строгому и более устойчивому, чем то, которое изначально оказывается ему доступным в рассматриваемых обстоятельствах, самоопределению. Однако, *четкое, полномасштабно артикулированное самоопределение возможно для человека, как очевидно, только в четко упорядоченном мире*. «Выбирая себя, - говорит Ж.-П.Сартр, - я создаю Всеобщее» [4, 337]. В этом и состоит суть акта самоопределения, и если уж он полноценно состоялся, если человек определил, «выбрал» себя, то это случилось лишь в силу того, что человек сознательно или стихийно укрепил или воссоздал упорядоченный социальный мир, «реальную коллективность» (К. Маркс), – конкретный вариант того Всеобщего, о котором говорит Ж.-П. Сартр. Одно предполагает другое. *Олимпизм – это философия жизни, предполагающая активные действия человека по созданию и сохранению ситуации, в которой возможна его самореализация в истинных ее формах*.

Спорт, несомненно, является высоко упорядоченным социальным пространством. Вместе с тем спорт не может создавать какую-либо особую, свою собственную, существующую в отрыве от базисных основ реальной *общекультурной* ситуации, модель самоутверждения человека. В Греции условия таковы, что открывающаяся человеку картина мира в

значительной степени выстроена в систему, она *центрирована и стабильна*. Человек, стремясь к самоопределению и самореализации, может в данном случае опираться в своих действиях на *устойчивую совокупность* конкретных принципов и правил. Его задача - найти свое место в *уже состоявшемся* в качестве высоко упорядоченного социальном пространстве. Античный спорт подчеркнуто воспроизводит именно такую ситуацию; не случайно здесь культивируются преимущественно *индивидуальные* виды спорта, в которых, по сути, невозможно в ходе соревнования несоблюдение принятых норм, пренебрежение принципом честного соперничества. Греческий олимпизм проникнут идеей самоутверждения человека именно в таком социальном мире. Спорт здесь *обнажает сущность человека*. (Традиция соревноваться в спорте обнажёнными имела для греков именно такой смысл). В наши дни, в условиях *ацентричности* и крайней *плюральности* мира, перед человеком, стремящимся к самоидентификации, неизбежно встает в каждом конкретном случае в качестве наиважнейшей задача: *самому привести мир в более упорядоченное состояние*, по сравнению с тем, которое для данного мира исходно характерно, обеспечить ему дополнительную определенность и устойчивость. Спорт наших дней в лице *игровых командных видов* (футбол, хоккей, баскетбол и др.), то есть тех видов, которые наиболее популярны в наши дни, воспроизводит в значительной мере именно указанную ситуацию. Действительно, здесь обстоятельства, в которых происходит соперничество, изначально не столь однозначны, как в индивидуальных видах. Здесь возможны и реально случаются определенные соревновательные эпизоды, в которых спортсмен, по сути, *может выбирать «формулу успеха», утверждать ту или иную «философию победы»*. В частности, он может соревноваться строго по правилам, а может в определенных пределах от них отступить, и при этом происходящее не обязательно будет замечено и (или) классифицировано судьями и зрителями как нарушение. Спортсмен может действовать, как говорят, «на грани фола», а иногда – и за пределами официально дозволенного. Поэтому в одних случаях его действия будут *создавать и поддерживать условия*, необходимые для полноценной самоидентификации, *укреплять социальное пространство*, в котором принципы и нормы (прежде всего – принцип честного соперничества,

исходного равенства шансов на успех) оказываются не просто провозглашенными, но и *действительно реализуемыми*, а в других - существенно такие условия *ослаблять*. Соответственно, четкая самоидентификация в одном случае будет возможной, в другом – нет; существенно, что неизбежно разной будет и удовлетворенность спортсмена происходящим (Прав П.Кубертен: «Трижды сладостна победа, добытая в честной борьбе») [8, 24]. Подчеркнем еще раз, что все это в значительной степени соответствует общей ситуации пребывания человека в современном (постсовременном) мире, в котором в известной мере предполагается уход от жесткой императивности социальных норм. (Ю.Кристева утверждает: «В настоящее время в этике неожиданно возникает вопрос, какие коды (права, социальные отношения) должны быть разрушены, чтобы пусть на время и с ясным осознанием того, что сюда привлекается, дать простор свободной игре отрицательности») [2, 517-519]. Олимпизм сегодня – это не просто философия жизни, предполагающая активные действия человека в рамках системы, где гарантированно существует возможность полномасштабной самореализации, это философия, которая предполагает предельные усилия по созданию и сохранению такой системы.

Соревновательное взаимодействие есть, как мы уже отметили, *единство сотрудничества и соперничества*. Нельзя выиграть, выделиться, полноценно утвердить себя, не соучаствуя; соучастие есть важнейший момент индивидуализации. Однако индивидуализация есть, в свою очередь, важнейшее условие и реальное проявление деятельного соучастия. Спорт обострённо воспроизводит эту ситуацию. Существенно, что сказанное относится и к *взаимоотношению спортсмена со средой*, которое также предстаёт зрителю как субъект-субъектное взаимодействие, то есть как спортивное зрелище. Здесь спортсмен в определенный момент *подчиняет себе среду*, однако, в следующий момент он «отдает инициативу», *подчиняет себя среде*. Затем все повторяется. *Соперничество* и здесь проявляет себя сопряжённо с *сотрудничеством*. Умение навязать свою волю предмету (сопернику, среде) *непосредственно продолжается* в умение следовать за предметом (соперником), принимать его «волю», и такое умение, надо сказать, есть существеннейший компонент мастерства спортсмена. (Так, опытный



пловец создает такую волну в одной фазе плавательного движения, по которой он скользит в следующей его фазе). Спортивное соперничество – это событие, происходящее в поле *моего совместного с соперником присутствия*. Это аналогично тому, что происходит в словесном диалоге. Высокое мастерство – это высокая гармония спортсмена и среды, что, как и в случае взаимодействия с соперником, предполагает свободное (*честное*) соперничество в процессуальном плане и *справедливость* итогового результата. Восприятие и сопереживание зрителями данной ситуации актуализирует наиболее глубинные процессы нашего (человеческого) существования и неизменно *вызывает воодушевление*.

Актуальна ли в наши дни идея олимпизма? Каков сегодня социально-культурный смысл спорта как носителя этой идеи? – В условиях радикального плюрализма и, как следствие, предельной атомизации общества, в ситуации, когда человек вынужден «во всем опираться только на самого себя» [6, 157], когда он часто не может при этом добиться успеха, полноценной самореализации – и малодушно отступает, в этих условиях спорт выступает как сфера жизнедеятельности, в которой мы оказываемся *возвращенными* к правде человеческого существования, которая состоит в том, что нам необходимо в каждом акте нашего самоутверждения вновь и вновь воссоздавать, возрождать или, по крайней мере, поддерживать, *первозданную стихию нравственной жизни*, то есть делать то, по поводу отсутствия чего постсовременность тайно, но чем дальше, тем более и более явно, неутешимо печалится и томится. Олимпийская идея зовет нас в Античную Грецию. Следует отметить, что сегодня можно встретить авторов, для которых спорт наших дней фактически равен по своему внутреннему смыслу древнегреческому и которые в тоже время в рамках такого рода представлений идут в определенном смысле дальше П.Кубертена. Надо сказать, что, вообще говоря, это *редкая*, но в вместе с тем и *наиболее реалистичная* точка зрения относительно действительного содержания того, что происходит в спорте как таковом, относительно того содержания, которым имманентно обладает спортивная агональность. Вот два примера: Н. Ниссиотис - «Олимпийская идея отражает стремление человека постичь глубоко скрытую высшую реальность жизни и в то же время это приглашение людей к переживанию данной реальности и размышлению над ней;

олимпийская идея обновляет человека, побуждая его к попытке достижения высшей цели существования» [9,176]; Майкл Новак - «Мы, смертные, всегда, рано или поздно, проигрываем в игре жизни. Мы умираем. И спортивное состязание – это ритуально повторяющиеся триумфы человека над одним и тем же соперником – над смертью» [3, 10].

Спорт учит человека реализму, правильному восприятию жизни, где есть и успех и неудача. Спорт потенцирует сущностное начало в человеке, его способность быть фактором становления высших форм бытия, высшей правды жизни, свершения истины. Он дает человеку *мировоззренческую компетентность*, что выступает основой адекватности его поведения как в той ситуации, в которой доминирует добро, так и в той, где верховенствует зло. Он открывает человеку правду, высший смысл существования, воодушевляет его этой правдой, обеспечивает возможность сохранения жизнелюбия в ситуации любой неудачи.

**Литература:**

1. Визитей Н. Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений (философский анализ проблемы). М.: Советский спорт, 2009. 210 с.
2. Кристева Ю. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003, с. 517-519.
3. Новак М. Спорт и религия в Америке: [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/otv.2004/obt.120504.asp/> - 12 с.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989, с.319-344.
5. Тиллих П. Мужество быть. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995, с.7-131.
6. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. Время и бытие. СПб.: Наука, 2007, с. 87-244.
7. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464с.
8. Coubertin Pierre de From L'Esprit olympique. Revue Olimpique, juillet, 1908, p. 19-27.
9. Nissiotis N. Philosophy of Olympism. Report of the 18<sup>th</sup> Session of the IOA. Athens, 1979, p. 170-178.